

Владимир Васильев

**ЛИК ЧЕРНОЙ
ПАЛЬМИРЫ**

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
В19

Васильев, В.

В19 Лик Черной Пальмиры / В. Васильев. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 306 с.

ISBN 978-5-521-73527-3

Впервые во вселенной Дозоров — самообразующаяся система не океан Солярис, не Матрица — город Санкт-Петербург!

Договор между Светлыми и Темными — нарушен, и Инквизиция отправляет карательную экспедицию Темных магов...

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-73527-3

© Владимир Васильев, текст, 2021
© Александра Аксюта, обложка, 2021
© Т8 RUGRAM, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

*Тьма считает неуместными
комментарии к данному тексту.*

Дневной Дозор

*Свет считает неуместными
комментарии к данному тексту.*

Ночной Дозор

Инквизиция как всегда молчит.

Без подписи

П р о л о г

С утра опять шумели под окном, мешали спать. Арик долго пребывал в пограничном состоянии между сном и явью; дремота то одолевала его и тогда сознание проваливалось в полную грез неизведанную бесконечность, то отступала, вспугнутая чьими-то не по утрени бодрыми окриками. После часа маеты Арик все-таки сдался. Отбросил одеяло, под которым прятался от шума, встал и кое-как добрел до окна, однако с этого ракурса было не рассмотреть, что творится перед домом. Тогда он собрался с силами и направился в соседнюю комнату, что при размерах квартиры было практически подвигом. Отдернул штору, вышел на балкон.

На улице Гоголя снова снимали кино.

В Одессе постоянно снимают кино. И все время почему-то на Гоголя. Арик припомнил, как лет пятнадцать назад вот так же лениво наблюдал с балкона Ежи Штура в окружении киношных «армян», проходящего мимо скульптуры на углу дома напротив — кстати, когда-то Арик жил в нем. В доме напротив.

Тогда Махульский снимал «Дежавю». Что снимали сейчас — бесполезно было гадать, но Ежи Штура Арик нигде видел.

Арик постоял еще немного, поглядел, прищурившись, на море, вздохнул и побрел в сторону ванной.

На улице было так хорошо, что умывшись, проснувшись, позавтракав, он решил прогуляться.

Спустя час Арик вышел из-под арки, с легким отвращением покосился на бестолково суетящихся киношников, обогнул съемочную площадку, огороженную полосатой ленточкой, и направился к Тещиному мосту. У кафешки он задержался, купил бутылочку пива и не спеша выцедил ее тут же, за столиком. Лето и солнце делали свое дело — настроение неуклонно улучшалось даже у Арика с его меланхоличной и созерцательной натурой.

По мосту он шел нарочито медленно, довольно жмурясь и искоса поглядывая вниз. Как всегда в Одессе было полно туристов, поэтому Арику дважды вручали фотоаппараты и просили запечатлеть. На фоне. Арик без возражений запечатлевал — жалко, что ли?

Еще издали он заметил, что любимое место на ступенечках колоннады Воронцовского дворца занято. Сначала Арик огорчился, но чем ближе подходил, тем меньше оставалось от возникшего огорчения.

Во-первых на его место посягнула девушка. А во-вторых — одинокая девушка. Во всяком случае без спутника. Симпатичная, длинноволосая и грустная. Явно неместная, что легко угадывалось по нетронутой солнцем коже.

А еще она была Иной. Причем без регистрации.

Впрочем, присмотревшись Арик нашел объяснение отсутствию регистрационной печати: Иная была ди-

кая. И, похоже, в сумрак ходить училась сама, без чьей бы то ни было помощи, поскольку аура только-только начала окрашиваться к Тьме. После грамотной инициации не остается так много нейтральных тонов.

«Так-так! — подумал Арик с невольным подъемом. — Дикарка, значит. Ничего так выглядит... В моем вкусе».

Он не любил прятаться и таиться. Вошел в сумрак за несколько шагов до ступенек, приблизился и сел рядом.

— Здравствуй.

Девушка удивленно взглянула на него. Должно быть, нечасто ей встречались Иные. Если вообще встречались.

Хотя, встречались, разумеется. Иначе откуда шаг в сторону Тьмы? Дикари-одиночки почти всегда остаются нейтралами потому что ничего еще не знают о вечном противостоянии двух группировок Иных.

— Здравствуй...

Девушка непроизвольно отодвинулась, внимательно глядя на Арика.

— Ты приезжая?

— Да... из России.

Арик понимающе кивнул.

Становилось жарче — день разгорался во всю летнюю мощь.

— И как тебе Одесса?

Арик слегка приоткрылся, обнажая вполне мирные намерения и демонстрируя хорошее настроение; уже через несколько секунд девушка впервые расслабила лицо в полуулыбке.

— Нравится! Правда, люди здесь какие-то... другие.

— Да уж, — вздохнул Арик. — Какие — другие, а какие — так и вовсе... Иные...

Не поняла. Просто улыбнулась. Точно, дикарка. Странно, что ребята ее не засекли... Впрочем, возможно она недавно приехала. А ребята, поди, с утра на пляже пиво сосут после вчерашнего. Кто ж тебя инициировал-то, детка? И почему тайно?

— Извини, я, кажется, заняла твое место? Ты тут обычно сидишь?

Арик подумал, что в последний раз задерживался на ступенях колоннады недели три назад, когда показывал Шведу новый пистолет. Но вслух об этом распространяться, разумеется, не стоило.

— Иногда сижу. Смотрю на море... и вообще. Меня зовут Арик. Я живу во-он там, через мост и сразу налево.

— Здорово! Я — Тамара.

— Хочешь, я покажу тебе Одессу?

— Конечно, хочу!

От настороженности девушки не осталось и следа, хотя Арик не прилагал к этому никаких специальных усилий. Тамара как Иная тянула уровень примерно на третий, поэтому Арик смог бы как угодно ее заморочить. Но ничего из магического арсенала применять не хотелось, да и не было в том нужды.

Арик встал, помог Тамаре спуститься по лестнице и повел ее на бульвар.

Куда же еще?

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Глава киевского Дневного Дозора Александр Шереметьев удивительным образом сочетал привязанность к роскоши с равнодушием к неудобствам. Мало кому известно, что он долгие годы обитал в небольшой двухкомнатной квартирке рядом с площадью Победы. Квартирке, где под посеревшим от времени потолком висели гроздья пыльной паутины, где пройти из комнаты в комнату удалось бы лишь по узким тропинкам — остальное пространство было сплошь завалено книгами и вещами, большую часть которых любой здравомыслящий человек имел полное право назвать рухлядью. Но хозяин плевал на мнение гипотетических посетителей. Хотя бы потому, что он не любил перемен. Хотя бы потому, что большинство лиц на старых портретах, развешанных по всем стенам, были ему прекрасно знакомы по прошлому. Хотя бы потому, что рухлядью, когда она была еще не рухлядью, в своё время пользовались его предки и родственники. Большею частью уже умершие.

Да и посещали Шереметьева считанные люди. В основном — Иные. А сам он дома даже не жил —

просто любил бывать. Иногда ночевал. Иногда варил себе кофе или заваривал чай. Очень редко готовил. Если главе киевских Темных хотелось обычной пищи, он направлялся в какой-нибудь ресторан, причем с равной вероятностью мог выбрать шикарный «Конкорд» на площади Льва Толстого или достаточно скромную «Викторию» напротив универмага «Украина».

«Викторию» Шереметьев выбирал чаще. Потому что располагалась она в пяти минутах ленивой — без всяких глупых порталов — ходьбы от дома. Через площадь Победы и через двор с новостройками.

Нет, конечно, когда того требовал имидж — присутствовали и размах, и стиль, и то, что Шереметьев привык называть «понтом». Но бывать в местах, где обычно ошиваются новые хозяева жизни, все равно не любил. Зато в той же «Виктории» вермут ему подавали в старинном бокале венецианского стекла — всегда в одном и том же. Пиво — в германской кружке с крышкой (если светлое) или ноттингемском эльгварде (если темное). Кофе — в глиняной турецкой чвыре, расписанной еще во времена султанов, и непременно при потемневшей от времени серебряной ложечке с полустертой надписью на неведомом языке. Обеденный сервиз для трапез отличался от вечернего-ночного. Первый состоял из восемнадцати предметов, второй — из пятнадцати. В «Викторию» же доставляли любимые сигары Шереметьева, да и вообще половину поставок организовал именно он, единожды потолковав с директрисой. Естественно, что постепенно «Виктория» превратилась в неофициальный клуб киевских Темных. Дозорные чаще бывали здесь, чем в офисе, расположенном на Банковой десять, в знаменитом доме с химерами. Там вынужденно сучали лишь дежурные